

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 7

ДРУИД

ЗИМНИЕ ТРАВЫ

Алексей Аржанов
Виктор Молотов
Друид. Том 8. Зимние травы

<https://litres.ru/74390553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову.

Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду.

На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли.

С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ.

Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

Алексей Аржанов, Виктор Молотов Друид. Том 8. Зимние травы

Глава 1

В конторе Астахова стоял запах крепкого кофе и сургуча. Одного этого мне хватило, чтобы понять, как прошла ночь у лучшего юриста Волгина.

Очевидно, он не спал. Всю ночь провёл за работой.

Аркадий Аристархович сидел за столом в том же сюртуке, в котором, видимо, был и вчера, судя по заломам на локтях, и перед ним лежали три стопки бумаг, выровненные по линейке. Штора на окне была задёрнута наполовину, писаря из приёмной он отослал, и дверь за мной запер на ключ, чего не делал ни разу за всё наше знакомство.

– Присаживайтесь, барон, – сказал он вместо приветствия. – Кофе предлагать не стану, он у меня кончился к четырём утра. Разговор у нас выйдет длинный, и начну я его по порядку, с бумаг. Так мне привычнее, а вам полезнее.

Я сел и положил пальто на колени. Кресло у него было

жёсткое, но я устроился в нём с удобством.

И мы начали говорить о Шатунове. О враге, которого я уже давно вычеркнул из памяти.

Но он вернулся.

И как он вернулся из психиатрической лечебницы – вопрос отдельный.

– Стопка первая, – Астахов положил ладонь на левую. – Выписка. Я поднял всё, что поднимается за одну ночь, и скажу вам как юрист: придраться не к чему. Комиссия настоящая, в полном составе, все шестеро с именами и стажем. Заключение оформлено по уставу, подписи подлинные, я сверял лично. Если вы надеялись, что бумаги окажутся грязными и мы оспорим их через губернию, оставьте эту надежду сразу.

– А старое заключение? – спросил я. – То, по которому его закрывали. Его отменили?

– В том и дело, что нет, – юрист поднял на меня глаза, и в них я увидел то, ради чего он не спал. – Старое дело никто не трогал, барон. Никто не доказывал, что он был здоров тогда. Признано, что болен был по-настоящему всё то время. А теперь исцелился. Полностью, без остатка, впервые в истории губернской медицины. Понимаете разницу? Вас и ваших прошлых дел это не касается никаким боком, пересматривать нечего. Юридически всё чисто до скрипа. И вот от этого скрипа, барон, мне вторые сутки не по себе.

Он отодвинул левую стопку и придвинул среднюю, самую

тонкую.

– Стопка вторая. Здесь того, что на бумаге, почти нет, и я скажу вам почему: слежу за этим человеком с того дня, как его увезли.

– Но я ведь, насколько мне помнится, не просил вас об этом?

– Не по вашему поручению, по собственному разумению: у вас с ним были счёты, дуэль и вражда, а такие люди из моей памяти не выпадают. Так вот, следить за ним было легко вплоть до осени. Обычный пациент, типичное отделение, стандартные порядки. Вы знаете, как у нас содержат душевнобольных, барон?

– Догадываюсь.

– Лучше не догадывайтесь, – сухо сказал Астахов. – Скажу коротко: с ними не церемонятся. Холод, надзиратели, общие палаты. Так он и жил там всё это время, и сведения о нём стоили мне рубль за листок. А потом наступил октябрь, и сведения кончились. Не подорожали, барон. Именно кончились.

– Не томите, – попросил я. – Что вы имеете в виду?

– Отделение закрыли для посторонних, персонал сменили, бумаги перестали выходить за стены. Мои знакомые в лечебнице замолчали все разом, и один из них, человек не робкий, вернул мне задаток. Понимаете, что это значит в наших краях?

– Что кто-то платит больше, – сказал я. – Или пугает луч-

ше.

– И то, и другое, полагаю. Я поднимал цену трижды, барон, и трижды мне возвращали деньги, а один трактирщик при этом смотрел мне за плечо, на дверь.

– Надо было сообщить мне об этом раньше, – подметил я.
– Быть может, я бы добавил больше денег, и мы бы...

– Всё решили? Нет, – перебил Астахов, а затем перевёл взгляд на бумаги. – То, что лежит в этой стопке, я получил вчера – от человека, который передал мне это едва ли не ценой собственной шкуры. Имени его не будет знать никто, включая вас. А рассказал он вот что.

Астахов раскрыл тонкую папку, но читать не стал, потому что знал её наизусть.

– В октябре Шатунова перевели в отдельное крыло. Палата с мебелью, стол, своё бельё, прогулки без надзирателя. К нему начали пускать гостей, барон. К душевнобольному, в закрытую лечебницу — по вечерам, а иногда и по ночам.

– Что за гости?

– Кто такие, никто не знает: приезжали в закрытом экипаже, проходили через отдельный вход, записей о них нет ни в одной книге. И последнее — самое тревожное. Лекари между собой отмечали, что во время этих визитов в крыле скакал магический фон. Измерительные артефакты врали, охранные контуры звенели без причины, у сестёр гасли накопители в ладанках.

– Есть тому объяснение?

– Нет. Что там происходило за дверью, не знает ни одна живая душа. А через месяц таких визитов комиссия обнаружила, что он исцелён.

В комнате повисла пауза, только часы на шкафу отсчитывали секунды.

– А комиссия? – спросил я. – Шестеро с именами и стажем. Их кто-нибудь расспрашивал?

– Расспрашивал один газетчик, по своей охоте, – Астахов усмехнулся без веселья. – Все шестеро ответили ему одно и то же, слово в слово, барон: я проверял записи. Учёные люди с тридцатилетним стажем так не говорят. Так отвечают выученную заранее фразу, понимаете? Больше вопросов им никто не задавал.

– Тогда извольте вывод, Аркадий Аристархович, – сказал я. – Вы ведь ночь просидели не ради пересказа, а ради вывода.

– Ради вывода, – согласился он и закрыл папку. – Он будет коротким и не юридическим, так что прошу на меня не ссылаться. В лечебницу положили одного человека, барон. А вышел из неё другой. Что у него теперь в голове – не скажет ни один лекарь, потому что лекари, что вели его последний месяц, молчат. Что у него теперь с даром, не скажу и я, но фон в том крыле менялся не просто так.

– И где он теперь? – спросил я.

– Направился из губернского города не домой: в имении его не ждут, я проверил ещё вчера. Куда – неизвестно. По-

тому совет мой вам простой, и даю я его не как юрист, а как человек, который получает от вас жалованье и намерен получать его долго. Будьте начеку. У этого человека есть за что мстить вам, и теперь у него есть на это силы, свобода и, похоже, друзья, которых лучше не иметь во врагах.

Я смотрел на три стопки бумаг и молчал.

Слово “мстить” юрист произнёс легко, очевидным для себя: дуэль, вражда, проигранные Шатуновым земли. Юрист не знал главного, и узнать ему было неоткуда.

Он практически прямо повлиял на смерть моего отца. Доказательств не существовало, знали об этом двое на всём свете, и второй из них разливал сейчас по склянкам отвары в моём санатории. Павел Демьянович, отец Лизы.

Так что счёт за месть тут был открыт с двух сторон, и мой список причин для отмщения был длиннее.

– Распоряжения будут такие, – сказал я. – Первое: любое движение этой фамилии по бумагам – земля, купчие, векселя, доверенности – я узнаю первым в тот же день.

– Договорились.

– Второе: следите за всеми, кто станет покупать или продавать что-либо рядом с моими границами. Третье: людей своих больше в лечебницу не посылайте. Кто закрыл то крыло, тот умеет считать гостей, и рисковать вашими знакомыми я не хочу. Расходы запишете на меня отдельной строкой.

– Уже записал, – Астахов позволил себе первую за утро усмешку. – Приятно работать с человеком, который распо-

ряжается быстрее, чем я успеваю советовать.

Обратно мы ехали через просыпающийся Волгин. Грач поглядел на моё лицо, хмыкнул и высказался один раз за всю дорогу.

– По лицу вашему, барин, вижу, что у стряпчего Астахова накормили вас плохо.

– Это точно. Зато честно, – усмехнулся я, и на этом разговор наш кончился.

Я раскладывал всё, что узнал, по полочкам. На моей доске, среди уже расставленных фигур, появилась новая — и хуже всего было то, что я не понимал, чья она. Своя, с собственной злобой и счётом ко мне? Или её вырастили в том закрытом крыле те самые ночные гости, у которых от визитов звенят охранные контуры?

Про мага я помнил и другое: чужой силе на моей земле уже который раз подряд не везло, и те, кто считал эти убытки, умели делать выводы. Шатунов был магом, и это было против самой тёмной из догадок, но октябрь с его отдельной палатой и ночными гостями говорил за неё.

Гадать было рано, а готовиться поздно не бывает. Зима, длинная и тёмная, годилась для ожидания лучше любого другого времени: дороги встанут, гости издалека будут видны на снегу за версту, а у меня дома каждый день прибавлялось по стене и по человеку.

И был ещё один счёт, который я вёл молча. Назывался он коротко: отец. Не мой по крови — если вспоминать ту, прошлую жизнь. Но я давно перестал делить родных: этот род стал моим со всеми долгами, и долг за Сергея Дубровского значился в нём первой строкой. А единственный родной сын покойного сидел сейчас в моём кабинете на подоконнике и, надо полагать, доедал третью ореховую горку за день.

Семья у меня вышла странная, что и говорить. Но своя, и давать её в обиду я не собирался никому.

Прибыв домой, я слышал стук топоров и птичий свист, и после конторы с её сургучом этот шум лёг на душу лучше любого отвара.

Зимний лес обживался быстрее, чем я рассчитывал. Свод сомкнулся окончательно, и снаружи он выглядел тёмно-зелёным холмом с курящимся по краям парком. Внутри Виктор запустил ручей: вода шла по кольцу неглубокая, в ладонь, и журчала на перекатах из окатанных камней, которые он подбирал лично.

Синицы Ярины прибыли первыми, десятка полтора, и уже хозяйничали в рябине.

У соснового угла обнаружился Леонид. Теневик замер под самой смолистой сосной, прикрыв глаза, и на моё появление отозвался, не поворачиваясь.

— Барин, я тут это... По расписанию.

– В расписании тебя нет.

– Так я вне расписания по расписанию, – объяснил он с достоинством. – Через день, после караула. Варвара дозволила и записала. У вас теперь, барин, не санаторий, а рай с журналом учёта.

Спорить с этим определением я не стал, тем более что шёл не к нему.

В изоляторе пахло солью и сосной, но слабо: из одиннадцати коек застеленной оставалась одна. Гордей Лукич сидел одетый, с котомкой на коленях, торжественный, и при виде нас с Лизой поднялся во весь рост.

– Ну, барин, Елизавета Павловна, – объявил он. – Готов к досмотру. Всю ночь не спал: боялся, что звёздочки обратно высыпают назло.

– Сядьте, Гордей Лукич, и рукава закатайте, – Лиза уже доставала часы.

Осмотр мы вели вдвоём по всей форме, и за месяц этот порядок отточился до мелочей.

– Кожа чистая, – диктовала Лиза, ведя пальцами по его предплечью. – Звёздочек нет ни на руках, ни на груди, ни под коленями. Дыхание ровное, свиста нет ни на вдохе, ни на выдохе. Пульс... – она пустила секундную стрелку и подняла ладонь, требуя тишины, и Гордей замер, не дыша. – Дышите, Гордей Лукич, дышите, вы мне живой нужен. Пульс семьдесят два, наполнение доброе.

– Это что же значит? – не выдержал старик.

– Это значит – не мешайте считать, – строго сказала Лиза, и я сразу понял по её голосу: итог она уже знала.

Я шёл следом за ней своим путём. Ладонь на грудь, чутьё вглубь, и там, где месяц назад дремала под кожей сырая искристая муть, теперь стояла сухая чистота. Соль подсушила, сосны дожали, и хворь, которой нужна была вода, сгинула в моих владениях от засухи.

– Чист, – сказал я вслух. – Совсем чист, Гордей Лукич. Искряницы в вас больше нет, как и в санатории: вы были последним.

Старик посмотрел на свою руку, ту самую, одеревеневшую, которую мы лечили ему с осени, потом на здоровую, где месяц назад цвели бледные звёздочки. Потом шмыгнул носом и поклонился в пояс – сначала Лизе, потом мне.

– Вот ведь как оно, – проговорил он не сразу. – Привёз вам заразу на весь дом, а вы меня за это лечили да в тёплую пристройку посадили. Торговал я сорок лет, барин, всякий обмен видал. А вот такого не видал.

– Такой обмен у нас называется лечением, – ответил я. – Куда теперь? Комната ваша в гостевых стоит, никто её не занимал.

– А можно мне... – Гордей замялся, что случилось с ним редко. – Можно мне при новом лесе состоять? Я слышал, там птицу кормить надо, рябину смотреть, за ручьём приглядывать. Я человек здоровый теперь, сидеть без дела не приучен, а рассказчик знатный, больные подтвердят. Буду хо-

дить, кормить да рассказывать. Жалованья не прошу, харчей довольно.

Лиза посмотрела на меня поверх часов, и в глазах у неё было готовое решение, которое мне оставалось только озвучить.

– Принят, – сказал я. – Смотрителем зимнего леса, с харчами и жалованьем, потому что бесплатно у меня работает только дом. Первое поручение: синицы налетают на рябину быстрее, чем она успевает краснеть. Разберитесь.

– Разберусь! – просиял Гордей и подхватил котомку так, будто в ней лежало назначение на губернаторство.

Когда он ушёл, я положил ладонь на тёплую стену изолятора и сказал дому, что работа его кончена. Комната отозвалась медленной волной, корни зашевелились, и пристройка начала уходить обратно, койка за койкой, окно за окном.

К вечеру у восточной стены осталась только ровная кладка, и Варвара, проходя мимо, погладила её ладонью и поблагодарила вслух.

День заканчивался как надо, и я позволил себе редкую роскошь: поужинал без бумаг, послушал доклад Сухомлина вполуха и поднялся к себе в кабинет с намерением просидеть час над чертежом купален и лечь до полуночи.

Неладное я увидел ещё с порога.

На подоконнике, на всегдашнем месте, ждала ореховая

горка. Вечерняя, свежая, Степан насыпал её после ужина по заведённому порядку.

Горка стояла нетронутой орех к ореху.

– Пушок, – позвал я вслух.

Ответом мне была тишина, причём какая-то неправильная. Не та, что бывает, когда наглый зверь дуется и вредничает.

Я даже его голос не слышал. И это меня напрягло.

Пушок лежал за горкой у самого стекла, вытянувшись на боку.

Я взял его в ладони, и он не шевельнулся. Тельце было вялое и едва тёплое, лапы висели, и рыжий хвост, вечный флаг его самомнения, обвис. Дыхания я не услышал. Нашёл его чутьём: один вдох, длинная пропасть тишины, потом ещё один, и сердце частило еле слышно, вполсилы.

– Пушок, слышишь меня?

В голове моей не отозвалось ни единым словом.

Я положил его на стол под лампу и повёл чутьём вглубь, по всем правилам, которым выучился за этот год у чужих постелей. Кровь чистая, лёгкие чистые, сердце и жилы целы – ни яда, ни искры, ни хвори. Маленькое звериное тельце было в норме от усов до хвоста – здоровее некуда.

Оно просто гасло, постепенно и без единой причины.

Холод по левую руку я почувствовал ещё до того, как мой дед проявился. Валерьян встал у стола целиком, без обычного мерцания, и наклонился над белкой так низко, что борода

прошла сквозь столешницу.

– Давно он так? – голос у деда был незнакомый.

Небывалое напряжение. И я могу его понять. Ведь в Пушке живёт его настоящий потомок. Тот, кто ранее был в моём теле.

– Горка вечерняя, нетронутая. Значит, с ужина. Дед, я его смотрел насквозь. Он здоров. Полностью, понимаешь? А всё равно угасает.

– Вижу, что здоров, – огрызнулся Валерьян и провёл ладонью над рыжим боком. Один раз, другой – и всё быстрее. – Вижу... Позови его. Ты. Тебя он слышит всегда, хоть спит, хоть дуется. Зови!

– Я звал.

– Громче зови! По-семейному! Мы ведь все теперь одной крови!

Одной крови. Человек из другого мира, белка и призрак. Ну и семейка...

– Пушок, – сказал я в третий раз, наклонившись к самому уху с кисточкой. – Орехи стынут, барон.

На это он отозвался бы из любого сна и из любой обиды, я знал это твёрдо.

Но он не отреагировал даже на орехи.

Валерьян выпрямился, и я впервые за всё наше знакомство увидел: дед не знает, что делать. Он смотрел на белку, и свечение его дрожало по краям мелкой рябью.

– Тело здоровое, внучок, – проговорил он тихо. – Хоть

сейчас пускай в пляс. Я такие дела знаю, сам его в это тело сажал своей рукой. Держаться там есть за что – и века хватит. Угасает не тело.

– Тогда что угасает? Говори, дед.

Дед поднял на меня глаза, и в них стоял страх, которого я не видел у него даже в подземелье.

– Он сам.